

Буклемишев. Добрый вечер! Рад приветствовать всех любителей сельского хозяйства и российской экономики на 108-м диспуте. Мы с моим коллегой, Андреем Александровичем Яковлевым, давно хотели устроить диспут по сельскому хозяйству, потому что сейчас, как мне представляется, сельское хозяйство переживает какой-то переломный период в российской экономике. Примерно то же самое, что происходило, на мой взгляд, в начале нулевых, когда произошел такой тектонический сдвиг.

Я очень рад представить наших сегодняшних гостей: это Андрей Андреевич Сизов – директор аналитического центра «СовЭкон», и Сергей Викторович Киселев – профессор, заведующий кафедрой агроэкономики нашего факультета. Мы сегодня будем говорить о том, как сегодняшнее сельское хозяйство себя чувствует и какие его успехи мы считаем серьезными на сегодняшний момент.

Сизов. Спасибо большое организаторам, очень приятно, что такой университет, как МГУ, решил обратить внимание на сельское хозяйство. Сектор, до недавнего времени воспринимавшийся очень многими исключительно как черной дырой, где все было плохо: высокий урожай – плохо, хранить негде, низкий урожай – тоже плохо.

На самом деле ситуация действительно в последние годы несколько улучшается, об этом и поговорим.

Мы называемся аналитический центр «СовЭкон»; мы все двадцать лет нашего существования занимаемся анализом аграрных рынков, АПК, пищевой индустрии, ценами, урожаями, стратегиями развития компаний. Помогаем компаниям развивать бизнес, разрабатывать стратегию.

В последние довольно много лет менее четкие линии и более расплывчатые – это реальные темпы, более жирные линии – это среднее за последние пять лет. Вот что у нас происходит с нашим ВВП (*показывает на слайде*), и вот что происходит с сельским хозяйством. Реальные темпы прыгали снизу вверх, поэтому, конечно, имеет смысл использовать средние показатели. Прыгали они так, в первую очередь, из-за неурожая.

В последние 2009 – 2011 годы мы видим, что по средним темпам роста сельское хозяйство стоит намного выше, чем рост экономики в целом. Отчасти это достижения самого сельского хозяйства, отчасти это связано с тем, что у нас вся остальная экономика сокращается, а сельское хозяйство выглядит таким ярким и заметным пятном.

Почему у нас такие перепады в производстве? Сельское хозяйство складывается из двух вещей – растениеводства и животноводства, примерно 50 на 50 процентов. Такие сильные перепады в темпах роста, в первую очередь, связаны с растениеводством. Вы видите совершенно дикие скачки – минус 20 %, плюс 40 %. Связано это с неурожаями в один год и, соответственно, потом с низкой базой в следующем году, как мы видим - здесь в 2011 году скачок.

В частности, падение в растениеводстве могло бы быть не таким сильным, если бы этому не способствовало государство, которое забрало деньги из растениеводческой индустрии, закрыв экспорт, и передало их животноводам.

Если говорить про вторую кривую – это средние темпы роста животноводства, они устойчиво остаются положительными, но, как видно на этом графике, они заметно уступают темпам роста растениеводства.

Животноводство во многом - это история рукотворная государства, растениеводство росло само по себе во многом просто благодаря тому, что государство о нем отчасти забыло, и это было неплохо. Когда оно вспомнило - это как раз 2010 – 2012 годы и текущее время - оно стало ограничивать экспорт и мешать ему развиваться.

Основная составляющая растениеводства – это зерновые, затем – масличные и третье – свекла и все остальное. Активный выраженный рост сборов в последние десятилетия, я бы обратил внимание особенно на три последних года – это урожай за 100 миллионов тонн, в общем, очень и очень благодатная картина. Для сравнения - начало 2000-х: урожай 70 – 80 миллионов тонн. Мы понемногу подбираемся к советскому времени, там урожаями были 110 миллионов тонн, то есть мы к этому подходим.

Во многом тот рост производства, который происходит, или даже на 70 – 80 % был связан с экспортной историей, был либерализован доступ к внешнему рынку, сельхозпроизводители получили мотивацию больше производить, потому что они знали, куда это продать, соответственно, Россия стала одним из заметных экспортеров зерна в мире. И в последний сезон, текущий сезон она может стать экспортером № 1 пшеницы в мире.

34 – 35 миллионов тонн в текущий, следующий сезон мы вывозим и вывезем. Для сравнения: советская Россия завозила в районе 30 миллионов тонн. Сейчас мы стали крупнейшим экспортером, естественно, эта тема фигурирует в СМИ, например, Bloomberg об этом пишет, что Америка проигрывает «пшеничную» войну России. Справедливости ради добавлю, что это не мы бешеными темпами наращиваем экспорт, мы его действительно наращиваем, но просто снижается экспорт пшеницы из США. Мы понемногу увеличиваем, а у них он очень сильно упал, и по факту мы стали экспортером № 1.

Другая важная составляющая – это масличные, более даже впечатляющая динамика – 4 миллиона тонн с начала 2000-х, сейчас 13 – 14 миллионов тонн. Если сравнивать с советским временем, это уже намного-намного больше.

Другая составляющая – животноводство. Оно тоже достаточно активно растет, наиболее быстрый рост – это птица, также сильный рост – свинина, полная стагнация в КРС, в производстве говядины, тут пока никакого улучшения не видно.

Во многом этот рост связан с тем, о чем любят говорить последний год – полтора, то самое пресловутое импортозамещение, то есть рынок рос, как вы видите, до последнего времени (синяя кривая), и доля импорта постоянно сокращалась, росло внутреннее производство, как раз во многом благодаря помощи государства, соответственно, мы имели существенный рост в животноводстве.

Важный момент, тут как раз есть график, включающий 90-е годы, вот как мы сильно упали по производству: было 10 миллионов тонн, упали до почти 5 миллионов тонн производства мяса и птицы, сейчас выросли обратно почти до 10 миллионов тонн к концу 2016 года.

Естественно, поменялась структура, если вы посмотрите на эти площади, сильно очень упала говядина, и сильно очень выросла птица.

Важный момент, на который я бы хотел обратить внимание, при том, что мы производим сейчас столько же почти мяса и птицы, как в советское время, мы потребляем зерна на фураж ровно в два раза меньше. Производили в 90-е годы 10 миллионов тонн птицы, мяса, сейчас производим тоже 10 миллионов тонн, в советское время потребляли зерна на фуражные цели 70 миллионов тонн, сейчас потребляем 35 миллионов тонн. Понятно, что это связано во многом с тем, как изменилась структура, то есть у птицы конверсия корма намного лучше, то есть сколько вы даете единиц корма, чтобы получить единицу привеса.

С одной стороны, это связано с изменением структуры, но с другой стороны, это связано с тем, что принципиально изменилось животноводство. Когда говорят о том, что у нас идет некое восстановление животноводства, это не совсем правильное определение, это уже просто другое, принципиально новое животноводство. Другие подходы к ведению бизнеса, другие подходы к кормлению, и, соответственно, зерноемкость животноводства в силу и этих факторов улучшилась так сильно.

Кто в советское время жил, я думаю, помнит, что нередко на деревне можно было увидеть картину, как скотину кормили хлебом. Это одна из таких историй, показывающих, как было и как стало. Сейчас, конечно, хлебом никто кормить не будет, потому что это просто невыгодно.

На этом фоне так выглядит наш внешнеторговый баланс продовольствия и сельхозпродукции (*показывает на слайде*). Мы видим некоторый рост, в принципе на 17 – 19 миллиардов долларов мы вывозим сельхозсырья и продовольствия. Красное – это

импорт, за 40 миллиардов мы импортировали продукции сельхозсырья и продовольствия. И вот, как он в последние годы начал падать – тут 26 миллиардов.

Баланс между импортом и экспортом снижается, сейчас он в районе минус 10 миллиардов долларов. Это связано не только с нашими успехами в сельском хозяйстве, но, в первую очередь, с девальвацией рубля и нашим общим обнищанием, я говорю о среднем российском потребителе. И уже на предпоследнем месте по значимости те самые пресловутые антисанкции. Если вы читаете газеты, то узнаете о том, что все падение импорта – это антисанкции российские, на самом деле это не так. На самом деле это девальвация рубля, а те потоки, по которым были закрыты поставки из Европы, пошли либо из других стран, либо частично через другие страны.

На фоне того, что идет некоторое снижение доходов потребителей, рынок наш не столь велик, напомним, 145 миллионов при населении 7,2 миллиарда, естественно, больше и больше все участники рынка начинают смотреть на экспорт. Наши чиновники тоже уже начали это понимать, появляются такие словесные монстры вроде «экспорториентированного импортозамещения».

Над этим можно, конечно, смеяться, но в принципе и они начинают понимать, что, слава богу, мы пока не собираемся жить в Северной Корее, мы не собираемся строить стену и иметь стопроцентное обеспечение по всем позициям. И где-то мы закрыли потребности, снизили до каких-то приличных, по мнению государства, показателей, а где-то надо наращивать экспорт.

И, собственно, расти есть куда, примерно мировой рынок зерновых, масличных, продуктов переработки, мяса - в районе полутриллиона долларов США. Пока мы экспортируем на 16 – 17, рекорд был 19 миллиардов долларов США. То есть, конечно, бороться есть за что.

Если посмотреть по отдельным позициям, мы уже фактически очень активно присутствуем; основная позиция – это зерновые, масличные в меньшей степени, и сейчас не без помощи заинтересованных в этом индустрий активно идет работа о том, что нам надо выходить на рынок мяса и птицы. Он вполне сопоставим с рынком зерновых.

Вот эта грустная для колхозников, для фермеров по всему миру кривая, что она там так загибается, связано это, естественно, со снижением цен на все коммодитиз на всех товарных рынках, в том числе и на сельхозрынках. Уже, думаю, по итогам 2016 года и уж точно в 2017 году мы увидим, что эта кривая будет разворачиваться. Объемы не снижаются, они продолжают расти. Цены в 2015 году на сельскохозяйственных товарных рынках достигли дна, соответственно, мы ожидаем их не быстрый, но постепенный рост.

На наш взгляд, эта экспортная история и будет основным драйвером для развития российского сельского хозяйства.

Если в целом смотреть на экспорт сельхозсырья по основным странам, вот как он выглядит (*показывает на слайде*), вот крупнейшие экспортеры – США, ЕС (140 миллиардов долларов). Если посмотреть на более приемлемые ориентиры, например, Аргентина и Канада. Страны, уже более сопоставимые с нами по размерам экономики, Канада - по структуре экономики. И в принципе выйти на уровень 30 – 40 миллиардов, я думаю, нам вполне по силам в среднесрочной перспективе.

Что у нас произошло с российским сельским хозяйством? Из черной дыры, из сектора, к которому никто серьезно не относился, он остался чуть ли не единственным светлым пятном на фоне грустной картины российской экономики. Есть ряд заметных историй успеха производства зерновых, экспорт зерновых, производства птицы, производства свинины.

На самом деле и до санкций начался явный рост в производстве овощей, за последние пять лет выпуск овощей увеличился в полтора раза.

И есть явно стагнирующие сектора – это картофель и молоко.

Что было сделано за это время, почему рост мы имеем? Это не все факторы, но это какие-то важные факторы, на которые, например, смотрят инвесторы, думающие о том, вкладываться им или не вкладываться в какие-то новые проекты.

Одним из важных факторов роста в растениеводстве, в производстве зерна является то, что у нас пуск не без проблем, пуск с большим скрипом, но был запущен рынок земли, в том числе и рынок земли в собственности. Например, этого нет в Украине и Казахстане, там только сейчас этот вопрос начал обсуждаться, и там были даже социальные волнения на этот счет.

Да, я, конечно, говорю какие-то совсем простые вещи, всем очевидные, но, например, для чиновников это не очень понятно, и у нас вместо того, чтобы завлекать туда новых инвесторов на эту самую землю, говорят: давайте искать неэффективных собственников. Вместо того чтобы завлекать инвесторов, мы им грозим палкой, и, естественно, это не стимулирует людей. Для растениеводства, для сельского хозяйства земля – это ключевой вопрос и актив № 1.

Тем не менее процесс запущен, и в целом пока динамика, на наш взгляд, положительная.

Запущен такой инструмент, как государственная программа развития сельского хозяйства. Многие критиковали, но это все-таки дает некие ориентиры для инвесторов, для предпринимателей, что государство считает приоритетными отраслями, и где оно будет помогать этим самым инвесторам.

Сейчас у нас работает уже вторая программа, там тоже, к сожалению, не все гладко, и размываются некие важные концепции, но тем не менее она работает, и важна она тем, что дает такие долгосрочные ориентиры. Доктрина продовольственной безопасности на самом деле не очень серьезный документ, но тем не менее отраслями она активно используется, там просто прописано, что у нас должна быть такая-то доля в том-то. На самом деле, кто понимает, это имеет некое отдаленное отношение именно к продовольственной безопасности, но это как опять же такой инструмент, показывающий людям, индустриям, куда им вкладываться.

Членство в ВТО я бы рассматривал скорее как плюс. В текущих условиях, да и тогда, когда мы вступили, было много разговоров, что мы ударимся в эти ограничения, мы не сможем помогать сельскому хозяйству. На мой взгляд, это совсем не так. И время это показало, мы очень-очень далеки от того, чтобы выбрать наши лимиты, во-первых, и во-вторых, сейчас, когда мы говорим о том, что мы хотим выходить на новые рынки, это, наоборот, мы сможем этот инструмент использовать.

Плюс в последние полгода буквально явно активизировалось государство, в первую очередь, получив импульс от животноводов, пытается, помогает выходить на новые рынки.

Какие наши преимущества? Это значительные водные наделы, значительные земельные наделы, относительно развитая инфраструктура и исторически сложившиеся, относительно крупные формы хозяйства.

Последний слайд – это как у нас упали посевные площади. Если вы оптимист, вы можете увидеть, на сколько они упали, как они могут восстановиться и как мы на этом фоне будем расти.

Киселев. Какие продукты Вы считаете сейчас реально конкурентоспособными на внешнем рынке, кроме пшеницы, подсолнечника, растительного масла?

Если сравнивать внутри экономики сельское хозяйство с другими отраслями, по сравнению с какими конкретными отраслями сельское хозяйство более привлекательно для инвестиций?

Сизов. Думаю, мы конкурентоспособны на многих из представленных рынков, из которых складываются эти полтриллиона долларов. Зерно – это пшеница, совершенно верно, мы крупный игрок и вполне конкурентоспособны на рынке ячменя. Рынок масличных (благодаря, кстати, присоединению к ВТО там снижаются экспортные барьеры,

они будут, за исключением подсолнечника, везде обнулены), там мы тоже вполне конкурентоспособны.

Рынок масел и шротов – мы тоже конкурентоспособны, мы там уже активно присутствуем.

Большой вопрос, можем ли мы быть конкурентоспособны в животноводстве. Идет действительно много разговоров о том, что давайте выходить на новые рынки, и действительно что-то подписывается, что-то открывается, Левин Сергей Львович все время ездит, что-то там открывает, но по факту весь наш экспорт птицы, дай бог, будет сто тысяч тонн по итогам года, экспорт свинины в районе десяти тысяч, не больше.

Вопрос. Большие издержки?

Сизов. Да, это хороший вопрос. Сейчас участники рынка все понимают, они продолжают активы вкладывать, они понимают, что скоро полностью задавят мелкие формы хозяйствования, рынок не растет, надо выходить на экспорт. И они должны пройти такую трансформацию.

До последнего времени была импортоориентированная модель, то есть цена на внутреннем рынке на готовую продукцию определялась стоимостью импорта, плюс тарифы, плюс логистика, плюс НДС и прочее.

Сейчас же, чтобы выйти на мировой рынок, они должны стать конкурентоспособны, иметь возможность давать другую цену, перейти на экспортоориентированную модель. То есть у вас есть мировая цена, и вы к ней не добавляете, а вы от нее минусуете логистику, инфраструктуру, какие-то налоги и прочее.

Смогут ли они это сделать? Я не уверен, но я должен быть оптимистом. Давайте возьмем что-нибудь самое-самое торгуемое – свиные полтуши. В этом я не уверен. Если выискивать какие-то свои ниши хотя бы для начала, я думаю, там у нас есть возможности для наращивания экспорта. Притча во языцех эти птичьи лапки, которые два года назад были никому не нужны, в отдельных случаях просто выбрасывались или перерабатывались в муку, больше половины нашего экспорта птицы – эти самые лапки, которые идут в Китай.

В целом по растениеводству основные cash crops – зерновые, масличные и продукты их первичной переработки. Будем ли мы конкурентоспособны в животноводстве, по отдельным отрубам, частям, при определенной сезонности, скажем, у Северной Америки начинается время барбекю – резко возрастает импорт, можем тоже в принципе туда встроиться.

Покажет время, я думаю, что мы можем быть вполне конкурентоспособны. Скот примерно тот же, генетика та же, цены на корм могут быть во многих случаях ниже, по инфраструктуре где-то будут выше логистические расходы, но в принципе где-то мы там можем быть вполне сопоставимы, но для этого, конечно, надо продолжать открывать в дальнейшем рынки.

Другой вопрос, по сравнению с какими секторами сельское хозяйство является более привлекательным? Я могу ответить немножко уклончиво на этот вопрос. Где-то с середины 2015 года у нас стали появляться запросы от непрофильных инвесторов, которые раньше не занимались сельским хозяйством, они считают, что это вполне интересно, хотя об этом во многих случаях ничего о нем не знают.

Плюс, если мы откроем отчетность наших двух – трех публичных компаний, мы увидим там более чем впечатляющую рентабельность. Например, свиноводство в позапрошлом году 49 % рентабельность до выплаты налогов, амортизации и долгов. В прошлом году она снизилась, это вполне ожидаемо, но все равно она остается очень и очень высокой. Это один фактор.

Второй фактор – некий медийный шум. Третий фактор – все смотрят на то, как происходит девелопмент, что там творится – минус 10 %, минус 15 %, ритейл до этого активно рос, здесь падает ритейл, единственное, что растет, – сельское хозяйство. В силу этого фактора оно и привлекает инвесторов.

При этом уже, на мой взгляд, конечно, такой период быстрого скачка, который был основан, в первую очередь, на этом самом импортозамещении, вытеснении импорта, закончен. Поэтому, если просто люди будут приходить и вкладывать деньги, они в отдельных секторах в относительно недалеком будущем могут столкнуться просто с кризисом перепроизводства.

Киселев. Сельское хозяйство спустя 25 лет приблизилось к уровню 1991 года, конечно, это успех. Хочу обратить внимание – приблизилось, потому что сельское хозяйство пока не достигло показателя 1991 года. Да, растениеводство дало рост, а животноводство примерно на уровне 80 % от уровня 1991 года при росте мяса птицы, при росте свинины и некоторых других отраслей.

Часто мы говорим о валовой продукции сельского хозяйства, но показатель валовой добавленной стоимости более четко отражает истинный рост. Да, рост есть, но, если брать от 2002 года, когда пошли инвестиции в сельское хозяйство, когда рост пошел, пошла поддержка сельского хозяйства, тем не менее по валовой добавленной стоимости пока что мы отстаем. Сейчас валовая добавленная стоимость ниже, чем от всей экономики.

Средний уровень производства зерна существенно вырос. Однако возможен неурожай. Я, честно говоря, жду неурожай. Не потому что я хочу этого, а потому, что регулярно повторяются очень сильные неурожаи. Очень сильный был неурожай в 2010 году, до этого был в 1998 году. То есть приближается время, когда опять возможен неурожай, во всем мире во всех странах такие неурожаи бывают, так что мы ждем этого.

По всему зерну мы пока на уровне 88,3 против 101. При этом, как правильно сказал Андрей Андреевич, максимальный урожай был 124, у нас в современных условиях максимально был где-то 108 миллионов тонн зерна. Пока что до рекорда в 124 миллиона тонн, который был в 70 – 80-е годы, нам далеко. Тут много факторов – здесь и минеральных удобрений было больше. Мы застabilизировались на уровне применения минеральных удобрений 1,9 – 2 миллиона тонн, мы раза в три отстаем по фондовооруженности. Другой вопрос, эффективно это или неэффективно использование удобрений и техники, нужно ли увеличивать.

Урожайность пшеницы стабилизировалась, Андрей Андреевич правильно говорил, это наша основная культура. Очень хорошо пошла кукуруза, но обращаю внимание, что не только у нас. В Украине тоже кукуруза выходит на очень сильные экспортные позиции.

Мой основной тезис такой, что мы в стагнации, пока что это еще не ощущается в полной мере, но мы в стагнации. И по урожайности это ощущается именно в зерновых в среднем, и в том числе по пшенице.

Вопрос. А здесь какая размерность?

Киселев. 21 центнер с гектара в 1990-м году, 22,3 – в 2013, 24 – в 2015. По некоторым культурам мы пошли вниз: по ржи, по ячменю. Если с основными нашими рыночными культурами, выгодными культурами по кукурузе, по подсолнечнику, плюс к этому увеличились посевные площади. Если взять все зерновые, то в доле посевных площадей существенно увеличилась доля пшеницы. Она выгодна, поэтому ее и увеличили.

По мясу птицы мы превысили уровень 90-х годов (1,7 миллиона тонн) – почти 4 миллиона тонн в 2015 году. У нас возникла проблема, куда сбывать. Если вы возьмете потребительские розничные цены на куриное мясо, они стали снижаться, некуда девать уже куриное мясо. И здесь проблема сбыта – тоже препятствие для развития сельского хозяйства.

Инвестиции в основной капитал. Посмотрите, какая ситуация. 2015 год – 79,2 процента от 2007 года. Еще будет спад в 2016 году. А как там дальше – трудно сказать.

Если рассматривать сравнение прироста инвестиций с валовой продукцией. Если сравнивать с валовой продукцией на коротком периоде, все хорошо, смотрите, какой рост – почти 6 % за 2011 – 2015 годы. В прошлом году был прирост продукции сельского хозяйства 3 %. Но если вы возьмете за более длительный период времени, возьмете с 2000 по 2007 и с 2008 по 2015 годы, то увидите, что практически даже немного уменьшился

прирост валовой продукции в сравнении с инвестициями. Инвестиции упали за этот период, в отрицательную зону пошли, а валовая продукция практически не изменилась. Это тоже определенный признак не спада, а определенной стагнации. То есть существуют проблемы с ростом у нас.

Поддержка сельского хозяйства. Здесь тоже стагнация, часть этих данных – это официальные, представленные Российской Федерацией в ВТО, часть данных – мои расчеты за 2010 – 2011 годы. И в рублевом, и в долларовом эквиваленте поддержка сельского хозяйства расти больше не будет.

Очень часто говорят: а вот в Европейском Союзе много поддерживают. Действительно, в Европейском Союзе много поддерживают, у них бюджет другой, и соревноваться с европейским бюджетом мы не можем.

Смотрите, у нас «янтарный ящик», который имеет ограничения, даже больше по удельному весу. В 2011 году в Европейском Союзе «янтарный ящик» составляет всего 2 % от валовой продукции сельского хозяйства, а у нас – больше 5 %. Но сейчас, кстати, уже упало, у нас уже меньше 5 %, и из-за этого некоторые цифры поменялись, официальная поддержка янтарного ящика по методологии ВТО у нас сейчас в размере 60 миллионов долларов.

Низкий уровень производительности труда сохраняется, и он немного сблизился с общеэкономическим показателем благодаря хорошим результатам 2014 – 2015 годов. Вообще-то во всех остальных развитых странах общая закономерность, что производительность труда в сельском хозяйстве растет быстрее, чем во всей экономике. У нас нет этой тенденции, и мы ее не переломили, и проблема эта очень сильная. Она связана не только с минеральными удобрениями, не только с наличием тракторов и комбайнов. Очень важно, как у нас работают люди. Насколько настроена система помощи этим людям со стороны науки, так называемый «extension service», или консультационные услуги. Систему так и не создали в Российской Федерации. Чтобы консультационные услуги на бесплатной основе оказывались помощь фермерам. Из-за этого теряются очень большие деньги, 10 – 20 % урожая теряется.

Технологическое состояние. Мы в сильнейшей зависимости от импортных технологий, от гибридов и сортов. У нас только в 2007 году появилась своя собственная мясная порода скота. Сейчас ее поголовье еще очень незначительно. Необходимы особые усилия для того, чтобы ее быстро распространить, чтобы создать специализированное мясное животноводство, чтобы обеспечить ту самую эффективность и рентабельность говядины, чтобы ее производство стало увеличиваться.

Это проблема не нынешняя, это проблема еще советская. Мы и в советское время в научном плане очень отставали даже от Венгрии, Болгарии, ГДР. Когда мы стали внедрять интенсивную технологию, вся основная техника была из-за рубежа, собственной техники у нас для этого не было.

Санкции и импортозамещение. Просто переходим от одних импортеров к другим, удорожание импорта, потому что логистика более дорогая. Мы проводили исследование, что где-то 2 – 3 % роста обеспечивается за счет импортозамещения по некоторым продуктам. И рост цен, который тоже сдерживает рост производства, потому что потребление падает сразу из-за этого.

Да, подсолнечник конкурентоспособен. Но чаще мы выигрываем за счет того, что пшеница дешевая, а почему дешевая? Потому что труд оплачивается очень дешево у нас в стране, и площадей очень много. Да, это положительный фактор, когда большие площади и дешевый труд, но, когда дешевый труд, высоких технологий не бывает.

Фактор роста - девальвация. Здесь видите, подобно тому как курс рубля зависит от нефтяных цен, спад импорта связан с девальвацией. Здесь почти совпадают кривые. Но уже с 2016 года снижается роль девальвации. Так же, как и санкции – это краткосрочные факторы, и в долгосрочном аспекте они будут постепенно терять влияние и сведутся к нулю в ближайшее время. Тем более что рубль стал повышаться.

Тот спад, который произошел с начала 90-х годов, мы его в целом преодолели, достигли и уперлись опять в стенку. То есть мы достигли примерно уровня 1991-го года, и нужны научно-технологические прорывы, для которых мы пока что не готовы в среднесрочном плане. Потому что, если взять пищевую индустрию, сельскохозяйственную, основные технические средства у нас импортные. При этом хочу сказать, что эффект девальвации и санкций практически исчерпан к настоящему моменту, в этом году будет полностью исчерпан.

Господдержка достигла пределов и не будет расти. Я думаю, что больше и не надо. Так как будет усиливаться неэффективность использования средств.

Малый и средний бизнес не имеет особых стимулов, я это знаю на районном уровне. То есть он тоже на каком-то уровне застabilизировался. Сейчас пытаются сделать за счет административных рычагов заставить давать заказы на экспорт малому бизнесу.

Сырьевая структура экспорта. Я не случайно спросил Андрея Андреевича, а что мы можем еще продавать. Потому что даже мясо птицы и свинина – это уже более высокая стадия переработки сельскохозяйственного продукта, и здесь мы пока что еще не очень конкурентоспособны. Экспорт вырос в разы, но это, конечно, такие маленькие объемы в физических объемах.

Мы продаем пшеницу, а хлеб мы покупаем. Посмотрите в магазинах, продается германский, финский хлеб и так далее. А наш хлеб вы найдете в Германии? Даже с водкой у нас не очень, экспорт водки очень маленький.

Что надо делать? Государственно-частное партнерство. Давно об этом уже говорится. Но нужны проекты под личную ответственность руководителя проекта. Много примеров можно найти, когда вроде как есть формально государственно-частное партнерство, начинают строить, а там нет реального частного и от государства никто не несет ответственности.

Вложение и совмещение роста эффективности. Надо учитывать рост эффективности, потому что много конкретных примеров, когда, допустим, идет молочный комплекс, для того чтобы землю выделить под этот молочный комплекс, надо в два раза больше времени, чем в ближайшем зарубежном регионе, для того чтобы построить, надо в два раза больше денег, чем в ближайшем западном регионе, похожем по природно-климатическим условиям. И потом производительность труда на этом молочном роботе оказывается в 1,6 раза меньше, чем в ближайшем регионе.

Поддержка роста фондовооруженности – это делается.

Сизов. Вы говорите о том, что был резерв в связи с тем, что у нас упало сельское хозяйство, от советских времен, сейчас мы этот резерв выбрали, вернулись почти в это время, и дальше ему расти некуда. Почему Вы так уверены, что мы больше не можем расти? Может быть, мы просто входим в некий период трансформации, некую новую норму?

Мы говорим, например, про фондовооруженность, считали, в советское время столько-то тракторов, столько-то комбайнов надо на гектар, а техника-то за это время изменилась, может, нам не надо столько тракторов, комбайнов и прочего?

Другой вопрос, мы не кормим больше скотину хлебом, мы не сеем больше пшеницу за МКАД, естественно, сельское хозяйство – это очень инерционная вещь, она развивается намного медленнее, чем остальная экономика, но она тоже развивается по совершенно понятным, нормальным законам. Сейчас происходит такой этап трансформации, да, быстрый рост закончен, может быть, после этого оно начнет расти, сделавшись новым, и более эффективно будет расти дальше?

Киселев. Я планировал ответить прямо на вопрос, случайный рывок или нет. Нет, не случайный рывок.

Конечно, за это время очень многое изменилось, наши технологии в пищевой промышленности и в сельском хозяйстве значительно продвинулись.

Нет никакой катастрофы в сельском хозяйстве, есть сложное положение, которое надо реально оценивать. Да, всего 2 миллиона тонн минеральных удобрений мы

используем, в прежние времена в разы было больше, но зато сейчас эти минеральные удобрения не валяются вдоль станций.

Технологию кормления скота существенно увеличили, безусловно, и та цифра, которую еще товарищ Немчинов сделал публичной - никто не знает, как он ее рассчитал, что для обеспечения животноводства и потребления нужна одна тонна на одного человека. Сомнения в правильности этой цифры уже в 80-е годы прошлого столетия возникала - говорили, откуда он взял эту цифру.

Конечно, есть сдвиги, мы же не сидим на одном месте. Но я говорю именно о стагнации, потому что слово «стагнация» означает, что расти теперь будет на 1 – 2 %. Для того, чтобы был скачок на уровень 3 %, надо, чтобы был прорыв, прежде всего, в научно-технологической отрасли, нужно, чтобы был прорыв в человеческом капитале.

У нас люди должны быть самым главным фактором, который обеспечивает. Надо, чтобы государство озаботилось именно этим.

Сизов. Второй вопрос напрямую связан с первым, Вы говорили о том, что у нас снижается и лучше не будет с поддержкой, что надо развивать науку, надо развивать селекцию, образование, человеческий капитал, с большинством из этого я полностью согласен, а государство это делать не хочет. Соответственно, можно предположить, что это является одной из серьезных проблем для того, чтобы мы видели дальнейший быстрый рост.

Государство не хочет делать, но не можем ли мы рассчитывать на то, что этим все-таки реально займется крупный бизнес? Создано у нас Министерство развития Дальнего Востока, будем раздавать гектары и делать прочие, на мой взгляд, не очень осмысленные вещи. Что делает бизнес? Туда заходит «Русагро» и реально начинает там строить большой свинокомплекс, они думают о развитии инфраструктуры, по факту они реально развивают этот регион.

Другой пример, «надо развивать селекцию» – говорим мы, все голосуем за, реально ее никто не развивает. То же самое говорит «Русагро», то же самое говорит «Мираторг». Про образование уверен, что большинство тоже об этом задумывается и что-то делает в этом направлении. Надо выходить на внешние рынки. Государство много лет этим вообще не занималось, оно занималось только тем, что открывало российский рынок.

Сейчас животноводы понимают, что надо им будет девать куда-то свою продукцию, и они активно это самое государство начали толкать, пинать. Откройте газету, в последний год каждый месяц идет сообщение, что такая-то страна сертифицировала российскую птицу, и опять же это не только чиновники сделали, а их толкает к этому бизнес.

Вы можете выкачать всю нефть и уехать, можете добыть какую-то руду и уехать, но если у вас земля, если у вас свинокомплекс, вы никуда не денетесь, вы уже по факту становитесь стратегически ориентированным на эти самые активы, которые, в общем-то, вам по большому счету никуда не деть, поэтому вы начинаете пинать государство, поэтому благодаря этому те вещи, о которых Вы говорили, могут поменяться, и это даст толчок сельскому хозяйству.

Киселев. Поэтому на первом месте у меня и было государственно-частное партнерство. Конечно, нужен бизнес. Бизнес может вложиться в науку, но одновременно должно вложиться и государство. Безусловно, в современных условиях это невозможно.

Я немного не согласен на счет крупного бизнеса. Почему-то в США до сих пор есть интеграция малого и среднего бизнеса и крупного бизнеса. Если возьмете такое индустриализованное производство, как мясное птицеводство, то до сих пор в США существует система производственных контрактов с малыми бизнесами. Малый бизнес поставляет мясо птицы, которое уже потом обрабатывается на крупном предприятии.

А у нас-то такого нет. Вы такие примеры можете назвать, чтобы было не просто: «Русагро» взяло землю на Дальнем Востоке. А чтобы «Русагро» сказало: мы организовываем с малыми фермами и с малым бизнесом деятельность, вы это делаете, мы это делаем? Таких же примеров у нас нет.

И это же создает и рабочие места, потому что на самом деле постепенно сейчас начинается ситуация, когда скрытая безработица в сельском хозяйстве начинает расти, когда люди не работают, и нет возможности их занять. Если бы у них была возможность работать с крупным бизнесом, тогда мы бы решали и социальные проблемы, и эффективность бы повысилась. Потому что здесь была бы взаимная синергия, взаимный обмен, то, что крупные деньги могут дать с точки зрения науки, и то, что может сделать частная инициатива на чистом месте.

Муж.(Институт экономики). Я в свое время занимался КРС в начале 70-х, с Емельяновым сотрудничал, то, что сейчас говорится, мне напоминает то время. Вопрос первый - о качестве нашей сельскохозяйственной продукции. Я плохо знаю сейчас, что мы экспортируем, но зато я знаю, какой хлеб по качеству сейчас у нас, я знаю, что я его есть не могу, поэтому я покупаю хлеб или специальный дорогой, который производит «Азбука вкуса», или австрийский черный хлеб.

Второй вопрос – социальная сторона всего сельского хозяйства. Я как-то говорил с Мельниченко, похоже, мы как деревня будем жить.

Вопрос. К нам приехал президент Индонезии, с Путиным общается, как вы думаете, пальмовое масло не задавит у нас в стране подсолнечник?

Старостенко. В медийном пространстве совсем другая идея насчет массовой господдержки сельского хозяйства. Насколько реальной вы считаете реализацию долгосрочной зерновой стратегии? Я думаю, что она предполагает очень серьезные государственные вливания. Есть ли такая программа и насколько она реализована на сегодня?

Вопрос. Какой порог входа в этот агробизнес, сколько миллионов? Не могли бы подробнее рассказать, почему наши издержки по мясному животноводству превышают экспортеров?

Вопрос. В чем ужас и катастрофа использования иностранных технологий?

Муж2. «СовЭкон» – это вроде «Комсомольской Правды» или что-то другое? Как это расшифровывается?

Я - собственник 1/140 миллионной части российской земли. Предоставили право пользоваться этой землей каким-то сельхозпроизводителям, что было нашей целью? – чтобы они побольше зарабатывали или чтобы продовольственное снабжение у нас было лучше в стране? Чего мы от них должны добиваться?

Когда у нас растет экспорт куриного мяса, например, это что значит? Значит, что у нас люди уже настолько наелись куриного мяса, что его надо экспортировать, или просто люди не могут купить?

Гоц. Андрей Андреевич, каков объем и тенденция в абсолютных цифрах инвестиций в агросектор? Какие тенденции по структуре источников этих инвестиций – это инвестиции самого агросектора в себя, или это переток из других отраслей, или это иностранные инвестиции?

Вопрос к Сергею Викторовичу: как Вы оцениваете процесс концентрации производства и собственности в сельском хозяйстве с точки зрения его воздействия на развитие сельского хозяйства?

Вопрос. Здесь было упомянуто, что государство оказывает поддержку фондовооруженности, насколько вы оцениваете ее эффективность, осмысленность, правильность?

Шагайда. По всем оценкам, мясная продукция была у нас существенно выше до кризиса и до девальвации рубля. Как показывает практика, эффект девальвации, снижения рубля – через два года цены подтягиваются. Вывоза свинину за рубеж, сами производители готовы продавать дешевле своих издержек либо они у нас всегда продавали выше своих издержек, обеспечивая себе двузначную цифру порядка прибыли?

Вопрос. У меня вопрос по поводу генетически модифицированных семян. Насколько они используются и насколько к ним меняется отношение в течение времени,

когда они были узаконены, а сегодня другое отношение? Сергей Викторович, у Вас было позитивное отношение к генетически модифицированной продукции, сегодня оно у вас по-прежнему положительное?

Чихун. Основным активом производства сельского хозяйства является земля, в предреволюционной России это было конкурентным преимуществом России, и Россия была крупным экспортером сельскохозяйственной продукции, по крайней мере в растениеводстве. Что поменялось сегодня? Тогда основными производителями, поставщиками на мировой рынок были как раз мелкие и средние хозяйства. Почему у нас с вами исчезли конкурентные преимущества в этой области?

Кулаков. У меня вопрос к Андрею Андреевичу. По говядине мы идем вниз, Вы где-нибудь публично обозначили эти данные, опубликовали особенно в производстве на душу населения по сравнению с 1991 годом?

Вопрос. Стоит ли вообще изобретать велосипед сейчас с сельским хозяйством, придумывать технологии, когда у нас рядом есть примеры Польши, Финляндии, Голландии?

Мне кажется, что весь этот дисбаланс внимания к сельскому хозяйству идет от рентабельности.

Киселев. Вы знаете, я сам хлеб делаю. Свершение прошлого года – я сам стал печь хлеб в мультиварке, и я перестал покупать хлеб. Да, мука в течение года резко ухудшилась на моих глазах, она не поднимается, покупаешь белую, а она стала желтой. Когда появились публикации, что стали добавлять в муку и четвертый, и пятый класс пшеницы, я подумал: вот она и не поднимается в мультиварке.

Я студентам часто говорю про качество отечественного продовольствия. Я говорю, что для того чтобы оценить качество, надо сравнить с качеством другой продукции. Я много езжу за границу и знаю зарубежные продукты, они, конечно, дороже, но, если сравнить молочнокислый продукт швейцарского производства с самым лучшим молочнокислым продуктом российского производства, это две большие разницы.

Та же пшеница, которой мы торгуем, это пшеница относительно низкого качества. Я езжу по России и разговариваю с фермерами, с сельхозпроизводителями, я спрашиваю: «Почему не выращиваете качественную?» – «Невыгодно» – «Почему?» – «Издержки возрастают, а цена не возмещается. Нам выгодно производить ячмень не очень высокого качества или пшеницу».

Плюс к этому есть вопросы культуры производственной, особенно если касаться животноводства, где очень большое значение имеет соблюдение всех правил, требований и регламентов. Мне пришлось бывать на молочных предприятиях в Китае, в Новой Зеландии и в Российской Федерации. И меня поразило очень и очень высокое качество продукции в Новой Зеландии.

В советское время я организовывал посещение югославских студентов молочного предприятия города Москвы. Когда я приехал, то увидел там «не очень» санитарные условия. Правда, студенты были очень довольны, потому что накормили там хорошим творогом, сладкой творожной массой. Отсюда идет и вопрос о качестве, это очень большая проблема, над которой нам надо работать и работать.

Я сейчас очень внимательно смотрю состав, потому что даже самые дорогие наши конфеты с пальмовым маслом, хотя там не пишут про него, иногда пишут растительное масло.

Социальная сторона, конечно же, это серьезная проблема. Почему сельское хозяйство надо поддерживать? Большинство деревень – это своеобразные моногорода, если как следует не работают сельскохозяйственные предприятия, возникает социальное напряжение.

Следующий вопрос про пальмовое масло, не задавит ли подсолнечное. Может задавить, потому что оно дешевле, пищевым предприятиям выгоднее, поэтому его добавляют и в масло, и в конфеты, в сметанные продукты и так далее. У меня сейчас есть

несколько фирм, которым я доверяю, знаю, что более-менее приличные предприятия, поэтому я покупаю их.

В чем ужас использования иностранных технологий? Никакого ужаса. Когда мы говорим о технологической зависимости, речь идет о том, что оптимума нет. Конечно, если ты хочешь быть эффективным, надо покупать лучшее. Потому что есть цена покупки, а есть цена использования. Ты можешь купить дешево, но потом очень дорого использовать. Поэтому многие покупают Джон Диры, собранные в Домодедово. Речь идет не об этом, а о том, что уж очень мало мы сами делаем, уж очень сильно мы отстали, нет оптимума в этом деле.

По подсолнечнику у нас сильное отставание, по сахарной свекле, мы покупаем очень много зарубежных сортов кукурузы, но, допустим, по яровой пшенице идет большая работа, и с учетом генных технологий скоро появятся новые сорта для районов Сибири, Южного Урала и Казахстана, где и наша наука работает, и зарубежная наука.

Поэтому здесь никакого ужаса, речь просто идет именно о том, что мы совсем не имеем своего.

Земля как ресурс. Вот у меня теща имеет земельный пай, меня снабжает гречкой по земельному паю, так что для работников сельского хозяйства это была возможность организовать какое-то свое производство, а для жителей, когда выделяли пай, я считаю, что это больше была социальная функция в этих вопросах.

Нашим преимуществом по-прежнему является земля. Правда, уже другие природные ресурсы являются преимуществом. Во времена Петра I это была пушнина, позже была пенька, а сейчас произошел сдвиг на зерно. В свое время мы ведь и маслом торговали, но мы потеряли этот рынок, восстановить его практически невозможно.

ГМО. Я считаю, что вообще-то официальные лица, не изучив этот вопрос, до сих пор говорят о ГМО отрицательно. Такие нападки на биотехнологии сдерживают наше научно-технологическое развитие. Потому что современные сорта получить без этих генетически модифицированных технологий – это очень долго, и из-за этого мы отставали и отстаем. Я хочу сказать, что когда я приехал в провинцию Шэньси в Китае, в Северо-Западный университет сельского и лесного хозяйства, когда я узнал, что в этом относительно удаленном месте они клонируют овец, я подумал: а где наши? Мы отстаем в этом деле.

Решается проблема просто: надо маркировать продукцию. Никто пока что не доказал вреда, все разговоры про мышей и так далее ушли в прошлое.

Концентрация производства и собственности в сельском хозяйстве. Все зависит от того, какая концентрация. Тот процесс, который идет на Западе, это одно дело, как у нас идет – другое. Любая монополия, в том числе земельная, сдерживает эффективность. Поэтому я считаю, что именно в интеграции малого и среднего бизнеса будущее. Да, у крупного есть свои преимущества, у малого и среднего есть свои, и надо их использовать. До десяти миллионов гектар земли мы можем сейчас использовать, чтобы увеличить посевные площади.

Вопрос. А в процентах?

Киселев. Пашни у нас 70 миллионов, десять от семидесяти.

Сизов. Качество пшеницы, не могу не обойти вниманием этот вопрос. У России неплохая пшеница, у нее совершенно нормальное качество, прямой конкурент России на мировом рынке – это Франция, и в целом мы продаем лучшую пшеницу, чем французскую. И в последние годы это рынок мировой понял.

Хлеб и в целом качество продуктов. Когда мы говорим об этом, прошу не забывать: если сравнивать со Швейцарией, то давайте сравнивать доходы среднего швейцарца и доходы среднего россиянина. Естественно, бизнес пытается оптимизировать, чтобы что-то этому среднему россиянину с его весьма низкими доходами продать.

Тут каких-то внятных исследований вообще не проводилось, вообще качество – это довольно спекулятивная тема, мое личное мнение, что ничего такого трагического с качеством не происходит. Более того, я думаю, кто помнит, что было 15 – 20 лет назад с тем

же хлебом, тем более 25 лет назад, был только черный и белый, сейчас мы заходим в магазин и видим 10, 15 или 20 разных булок.

Пальмовое масло никого не задавит, как было, так и будет, оно активно используется в кондитерской продукции, более того, во многих случаях пальмовое масло здоровее, чем многие растительные масла, которые у нас активно используются. Например, на пальмовом масле лучше жарить, чем на подсолнечном. Индонезия и Малайзия очень недовольны поползновениями России и попытками ограничить этот импорт пальмового масла, но я думаю, что, скорее всего, этого не будет.

Зерновая стратеги Минсельхоза, если речь о стратегии до 2030 года, там какие-то дикие суммы предполагается выделить, полтора или два триллиона, на мой взгляд, это очень сильный бюрократический документ, написанный ради того, чтобы он был, и я надеюсь, что он не будет реализован. Потому что там надо достичь фондовооруженности такой-то, надо нам ввести столько-то гектаров, чтобы у нас было точечное земледелие.

На мой взгляд, просто надо создать нормальные условия, а бизнес сам разберется. Если он поймет, что точечное земледелие ему важно и интересно, он сам этим займется, просто тратить деньги на пропихивание каких-то вещей не очень разумно, и смысла в этом практического я не вижу.

Порог входа в растениеводство. На мой взгляд, конечно, не стоит заниматься одним гектаром, если более-менее серьезно, чтобы вы могли иметь какой-то эффект от масштаба, продавать свою продукцию по более высокой цене, для этого надо иметь возможность собрать нормальную партию – это от тысячи гектар и, соответственно, это 2 – 3 миллиона долларов.

Точную себестоимость КРС я вам не скажу, но могу предположить, что если мы говорим о КРС именно мясном, то себестоимость либо такая же, либо даже ниже за счет того, что они имеют более низкую цену на корма. А если мы говорим именно о мясном КРС, там именно зерновая составляющая очень высока при откорме.

«СовЭкон» – советская экономика, советы экономистов, существуем мы 20 лет, очень много где можно о нас почитать.

Цель реформы земельного рынка, как я понимаю, в создании класса собственников рынка земли. На самом деле эта цель отчасти достигнута, пускай она достигнута не на 100 %, более того, в последний год, мне кажется, даже какие-то там опасные тенденции, он еще не устоялся, и могут начать его перетряхивать.

Экспорт куриного мяса. Действительно, внутренний рынок насыщен, очень быстро мы росли по куриному мясу – самый дешевый источник животного протеина. Несмотря на то, что все недовольны качеством российского продовольствия, мы потребляем его довольно много по мировым меркам с учетом наших доходов.

Если говорить конкретно о птице, мы ее потребляем очень и очень много. Поэтому впихнуть какую-то дополнительную птицу нашему потребителю уже становится достаточно сложно. Сейчас, естественно, помогают падающие доходы, потому что птица остается самой дешевой. Но производство растет, впихнуть сложно, поэтому мы и начинаем экспортировать.

Если сейчас доходы падают, то сейчас уже начинается очень активная конкуренция между мясом и птицей, между свининой и птицей, между свининой и рыбой, в некоторых случаях между молоком и рыбой. То есть начинают активней биться за потребителя, при этом уже не только в одном секторе, а в соседних секторах.

Инвестиции, источники. Я какой-то общей статистики не скажу. По собственным наблюдениям - в основном это привлеченные средства, это банки, госбанки, все это понятно, потому что там идут субсидии, частично это собственные средства. Если взять типичный проект, там требуется 10 – 30 % собственных средств, остальное – банковские кредиты.

Если говорить об иностранных инвестициях, я думаю, они невысоки; непросто выделить, кто иностранный, а кто просто офшор. Откройте «Русагро» и посмотрите, кто там бенефициар, бенефициар – офшорная компания.

Иностранного капитала мало, серьезных можно перечислить десять инвестиционных фондов, и это большая проблема России. Если посмотреть, например, на Бразилию, что с ней произошло в последние 20 лет, и на чем был основан ее очень быстрый рост и почему она стоит на третьем месте после ЕС и США с экспортом продовольствия. Это во многом как раз иностранные инвестиции.

Россия до марта 2014 года была вообще не на радаре у инвесторов. Едешь на конференцию, день обсуждают Африку, день – США, один час сессии на всю Восточную Европу, на Россию и Украину. Сейчас она даже и так не представлена, хотя в принципе западные инвестиции, конечно, вряд ли пойдут или пойдут очень аккуратно. Но Китай – крупный инвестор, и суверенные фонды Персидского Залива никуда не делись, они инвестируют.

Про ГМО. Полностью согласен с Сергеем Викторовичем. Естественно, то, что происходит в стране, это очень странно, то есть весь мир уже изобрел колесо, построил машину на электродвигателе, а мы ездим на квадратных колесах и говорим: надо еще лет пятьдесят подождать, вот это подозрительное колесо, а вдруг что.

Помимо того, что мы отстаем, помимо того, что мы не участвуем в рынке биотека, у меня есть свои соображения, почему так происходит, но рационального объяснения я особо не вижу. Более того, говорят о том, что как бы такая охранительская логика, вот они нас лишат этих семян, и чем мы будем сеять – караул, кошмар. Так развивайте кооперацию. Та же самая Бразилия, тот же самый Китай сами сеют ГМО и сами развиваются активно, но для этого не надо изобретать колесо. Посмотрите, где что можно дешево купить и что мы можем с этим сделать, как делает тот же самый Китай. Но для этого надо хотя бы принять такое решение.

А пока по факту был вопрос – сколько выращивают? Конкретно это никто не знает, но что выращивают точно – это я вам скажу, и в Украине, и в России. И бобы, и рапс, и, скорее всего, кукуруза есть генетически модифицированные. Скажем, в центре и на юге это есть.

Почему исчезают мелкие и средние формы? Я не согласен, что исчезают средние формы, они остаются, и, на мой взгляд, во многих случаях средние формы являются наиболее эффективными по сравнению с большими холдингами.

Мелкие действительно живут не очень хорошо; чтобы им просто выживать, нужна кооперация, о которой мы уже тут говорили, а ее нет. Огромный «Русагро» в районе 100 миллиардов рублей выручки. Выручка крупнейшего кооператива США CHS – 60 миллиардов долларов. Есть огромные кооперативы во Франции, которые контролируют всю цепочку и сами экспортируют зерно.

Основная фундаментальная проблема, на мой взгляд, которую решит только время, – это то, что не хотят люди объединяться. Если вы поговорите с любым колхозником, никто не хочет объединяться, это касается и среднего, и мелкого. Другой вопрос, что действительно выживать надо, объединяться надо, думаю, все-таки по этой причине процесс должен пойти, плюс определенные усилия делает в этом направлении государство.

Что изменилось по душевому потреблению говядины? Естественно, оно обвалилось, что совершенно нормальная история, потому что говядина является премиальным мясом. Сейчас это мешает развиваться мясному скотоводству. То, что в советское время была говядина, это просто был забитый молочный скот, сейчас в значительной степени так и остается. Если вы посмотрите, потребление не падает, оно стоит на месте.

Импорт – не изобретение колеса, давайте импортировать технологии. Давайте, но на самом деле это все не так просто, все это очень дорого, если говорить про Израиль, Голландию. Тут как раз имела бы смысл помощь государства, потому что одному бизнесу это будет сделать непросто, я двумя руками за импорт технологий.

Киселев. Я еще забыл ответить про сельхозмашиностроение. Те средства, которые выделяются, конечно, поддерживают на плаву, но проблемы не решают. И вообще субсидиями сельхозмашиностроение не поднимешь. Это первое.

Второе. Нужны частные инвестиции.

И самое главное, что в начале 90-х пытались привлечь иностранные инвестиции, не удалось.

Я думаю, что проблему сельхозмашиностроения надо решать так же, как решают у нас по автомобилестроению. Таким же путем идти, но в начале 90-х это не получилось.

Сизов. Насчет поддержки фондовооруженности, машиностроения - насколько имеет смысл эта политика? С точки зрения российских производителей она имеет смысл довольно понятный, он измеряется в тех объемах поддержки, которые они получают либо напрямую, либо через потребителя. Но это не поддержка вооруженности сельского хозяйства, это поддержка российских производителей сельхозтехники. Это имеет несколько отдаленное отношение.

Можно ли повторить модель того, что было на автомобильном рынке? Как раз проблема в том, что там речь идет о совершенно других единицах измерений, их там никак не сотни тысяч. Поэтому, на мой взгляд, это сделать не удастся.

Последний вопрос по экспорту свинины. Цены снижаются, мы видим, что они снижаются где-то год – полтора.

Шагайда. Вопрос в том, что девальвация их выровняла, они стали сопоставимы с мировыми ценами, но это эффект девальвации, как показывает прошлый период. Через полтора года эти цены вырастут. Вопрос: они всегда были дешевые и мы платили дорого, потому что они закрывали рынок? Или они туда будут сбрасывать дешевле своей себестоимости, только чтобы сбросить продукт?

Сизов. Не совсем, на мой взгляд, так. Цены были и остаются наравне с мировым рынком. Цены сейчас снижаются, то есть такого, что будут они давать какие-то специальные внутренние высокие цены и давать низкие экспортные цены – такого не будет, потому что рынок-то никто не отменял.

Шагайда. Через два года будет ли выгодно самим производителям экспортировать свинину, будет ли спрос у них?

Сизов. Я не уверен, что цены обязательно должны вырасти. Цены в мире на мясо упали, и в России они тоже упали. Если будет укрепляться мировой рынок, они будут расти, если не будет укрепляться – не будут расти. Учитывая тот масштаб, те технологии, которые есть, они могут быть конкурентоспособны по каким-то позициям, не везде.

Да, их рост был оплачен нами как потребителями с середины 2000-х два раза: один раз за счет налогов, второй раз, что мы шли и переплачивали за это мясо по сравнению с другими странами, потому что были высокие импортные барьеры. Сейчас этим импортные барьеры снизились.

Муж2. Мы с Юрием Михайловичем занимались сельским хозяйством. Если рассматривать сельское хозяйство не как способ зарабатывать деньги, а как способ кормить население...Сергей Викторович правильно сказал, что те люди, которые сейчас наращивают сельскохозяйственное производство, они просто придумали, как использовать дефекты нашей экономики для того, чтобы из этих дефектов извлечь деньги.

Какие это дефекты? Это низкая оплата труда, 15 тысяч – средняя оплата в АПК. Самая бедная страна Евросоюза – Болгария, это примерно 60 тысяч зарплата. Если бы мы платили нашим людям такую зарплату, как платит зарубежное продовольствие, то мы бы не были конкурентоспособны на мировом рынке.

То же самое отвечал Сергей Викторович про неэффективное использование земли. Если бы за рубежом можно было использовать землю так неэффективно, как используется она у нас, это бы было совсем другое дело.

Самое главное, что забыли оба докладчика, это роль посредников на продовольственном рынке. Недобросовестный посредник губит. Если сравнить те деньги,

которые выходят из населения на продовольствие, и те деньги, которые приходят производителям продовольствия, мы увидим большую разницу.

Кулаков. Я хотел бы поблагодарить наших сегодняшних докладчиков за очень высокий профессионализм оценки того, что у нас происходит в сельском хозяйстве.

Мне бы хотелось, чтобы ваши знания, то, что вы сегодня говорили, повлияли на умы тех, кто принимает решения. Потому что, если мы будем только говорить, что все у нас здорово, показывать кривые роста, если мы будем показывать больше реально, нам надо идти этим путем и показывать, тогда мы решим вопросы при наших ресурсах земельных и человеческого капитала.

Ведь мало еще в мире стран, где мы найдем столько образованных специалистов в области агротехники, в области даже селекции.

Мы должны больше об этом говорить и вовлекать как можно больше общественного мнения в поддержку этих суждений.

Сизов. Я хотел бы вас поблагодарить за высокую оценку наших выступлений, сказать, что будем стараться, будем доносить какие-то более-менее разумные вещи не столько до государства, а сколько до бизнеса, который может что-то сдвинуть в правильном направлении. И то, что мы пробьём эти уровни сельского хозяйства советского, пойдём расти выше и повторим, например, историю успеха Бразилии.

Киселев. Большое спасибо всей аудитории за вопросы. Надеюсь, что мы хоть в каком-то приближении ответили на них.

Я тоже считаю, что, когда мы говорим о сельском хозяйстве, надо просто представлять реально ситуацию. Если ты представляешь реальную ситуацию, реальные положительные и негативные стороны, в этом миксе ты принимаешь правильное решение. Только так можно принимать правильное решение и успешно развивать и с точки зрения политики, и с точки зрения бизнеса, и с точки зрения государства.

Я думаю, что и бизнес важно продвигать, потому что бизнес во многих случаях консервативен. Я считаю, что наш бизнес не очень инновационно настроен, поэтому необходимо этот сдвиг производить. То, что сейчас у нас произошло, в этом есть и положительное, и отрицательное, я думаю, что положительное перевесит те отрицательные вещи, которые сейчас есть.